

От диктатуры партіи къ единодержавію

(ИТОГИ 18-ГО С'ЪЗДА ВКП)

Политическая концепція большевизма заключалась, как известно, в формулѣ: диктатура пролетаріата, в лицѣ его авангарда — коммунистической партіи. Подстановка партіи на мѣсто пролетаріата, начатая Лениным, была закончена генеральной линіей первой пятилѣтки. Политическій режим этой генеральной линіи характеризуется полной замѣною диктатуры рабочего класса диктатурою компартіи и над рабочим классом, и над всей страной. Однако, на этом Сталин не остановился. Генлинія второй пятилѣтки сдѣлала новую подстановку: диктатура компартіи была замѣнена единодержавіем вождя. Если первая подстановка Ленина - Сталина отняла у рабочего класса обѣщанную ему политическую власть, то единодержавіе Сталина убило компартію, как политическій организм. Пронеходившій 10 - 21 марта 18-й с'ѣзд ВКП закрѣпил новое положеніе и отлил в принятом с'ѣздом новом партійном уставѣ и в намѣченной новой программѣ форму нынѣшняго государственно - политическаго строя СССР, как неограниченнаго единодержавія вождя. В этом заключается политическій смысл 18-го с'ѣзда.

На этом с'ѣздѣ впервые, послѣ 15 лѣтъ жестокой борьбы и всевозможных смѣн побѣд и поражений, Сталин явился в ореолѣ побѣдителя, не имѣющаго соперников. Это сказалось не только во внѣшних проявленіях обожествленія: ритуальных «концовок» всѣх рѣчей делегатов, которыя неизмѣнно завершались здравицей в честь вождя, таких же обязательных вставаній «всего зала» при упоминаніи имени Сталина, и т. д. Этот церемоніал в зародышевой формѣ был установлен уже на предыдущем, 17-м с'ѣздѣ, в 1934 году. Но тогда у Сталина на с'ѣздѣ еще были противники. Правда, эти противники, и «правые», и «лѣвые», только и дѣлали тогда, что казались и клаялись в вѣрности. Но с ними приходилось считаться. И в избранный 17-м с'ѣздом ЦК партіи Сталину пришлось

для сохраненія «похабнаго» бургфридена включить значительное количество кающихся, но не добитых противников и их попутчиков, как Рыков, Бухарин, Сокольников, Евдокимов, Пятаков и многих других, впоследствии «ликвидированных». Даже в политбюро 17-го с'ѣзда были включены, не без подпочвенной борьбы, такіе сомнительные союзники Сталина, как Киров, и такіе, — как мы потом узнали, — прямые «враги», как Рудзутак, Постышев. Короче говоря, побѣда Сталина на 17-м с'ѣздѣ была похожа на Пирову.

На 18-м с'ѣздѣ не было никакой оппозиціи. Никто не «каляся», не просил о прощениі, не давал клятв вѣрности: в этом не было надобности. Бывшіе грѣшники исчезли без остатка и слѣда. Появились новые люди. Об этом краснорѣчиво говорят цифры маддатной комиссіи с'ѣзда. Из 1574 челегатов с'ѣзда только 37 человек принадлежат к подпольному костяку партіи, и первые же из них суть Сталин, Калинин, Ворошилов, Молотов, Андреев и другіе. «Октябристов», вступивших в партію в період строительства новаго государства, с 1917 года до 1920-го, среди делегатов было всего 17%. Зато 43% составили делегаты, вступившіе в партію послѣ 1929 года: безусловные сторонники генеральной линіи сталинизма и соратники вождя по построению этой линіи. Еще ярче торжество сталинизма выявляется в возрастном составѣ делегатов: 49,5% в возрастѣ до 35 лѣт, 32% — от 36 до 40 лѣт, итого 81,5% делегатов, никак не связанных с традиціями ленинизма и обязанных своей карьерой новому владыкѣ.

Сталин пожал плоды оказанных им делегатам милостей при выборах в ЦК партіи. Из 71 члена стараго ЦК партіи исчезло с лица земли 55; из 68 кандидатов — 60. Так же точно ничтожное количество осталось на партійной поверхности членов другаго вышшаго органа — комиссіи партійнаго контроля. В итогѣ, из 71 члена новаго ЦК только 16 человек перешло туда из стараго ЦК, — ближайшіе сотрудники и вѣрные рабы Сталина: все тѣ же Молотов, Калинин, Андреев, Берія, Жданов, братья Кагановичи, Мануильскій, Литвинов и другіе. К ним присоединилось нѣсколько человек из бывших кандидатов, как Буденный, Будганин, Лозовскій, а также семеро прежних членов комиссіи партійнаго контроля, — завѣдомых сталинцев. 42 члена ЦК — совершенно новые люди, «сдѣланные» Сталиным в пятилѣтку, отдѣляющую два партс'ѣзда и отмѣтившую окончательное торжество единодержавія. А

из 68 кандидатов — только двое «стариков»: 66 человек новых, никому дотолѣ невѣдомых, никогда никакой роли не игравших, — челядь в чистом видѣ. Если Сталин в своем «отчетном» докладѣ говорил, что «с точки зрѣнія политической линіи и повседневной практической работы *отчетный период был периодом полной побѣды генеральной линіи*», — то он был прав, поскольку «генеральная линія» отождествляется в его понятіи с линіей его, Сталина, личного торжества. Но когда Сталин, послѣ приведенных выше цифр, завѣрял, что «разгромив врагов народа, партія стала еще болѣе сплоченной вокруг своего ЦК», — то он просто лгал: никакого ЦК, около котораго можно было «сплотиться», не оставалось уже к моменту созыва с'ѣзда, а новый ЦК еще не существовал в пятилѣтку между с'ѣздами, когда должно было происходить «сплоченіе».

Впрочем, Сталину не принадлежит авторское право на живое утвержденіе о «единой и монолитной» ВКП. Это утвержденіе никогда не было правдой. Начиная с раскола, вызваннаго Брестом, через рѣзкія разногласія, обусловленныя нѣпом и «рабочей оппозиціей», и расхожденія по вопросу о «внутрипартійной демократіи» и до политики коллективизаціи и индустриализаціи — ВКП не выходила из состоянія внутренняго кризиса. Партія, как политической организм, испытывала в этом перманентном кризисѣ серьезный потрясенія. Но она долгое время сохраняла свой политическій хребет. Существованіе ея было возможно и нужно, пока продолжалась политика демагогических лозунгов «Октября». Оно было нужно, потому что партія являлась опорой диктаторской верхушки в ея походѣ против страны: против остатков старой буржуазіи и интеллигенціи при нѣпѣ, против крестьянства — при генеральной линіи первой пятилѣтки. И существованіе партіи было возможно, хотя бы в раздраемом внутри-партійными распрями состояніи, пока генеральная линія велась в духѣ демагогіи стараго, интегральнаго большевизма. Положеніе рѣзко измѣнилось с переходом на нео-сталинизм послѣдних пяти лѣт. Переключеніе на «патріотизм» и папифизм, — кака бы ни была настоящая цѣль на этим лозунгам, — полууступки крестьянству и индивидуализму, — как бы половинчаты онѣ ни были, — отказ от коммунизма в распредѣленіи и от социализма в производствѣ, реставрація культурно - бытового уклада, — все это должно было повлечь за собой смертельную схватку старой партіи с властью и гибель той

или другой. С громадным напряженіем сил, с примѣненіем всѣх способов демагогіи и насилія, от сухой гильотины до жесточайшаго террора, власть вождя одолѣла сопротивленіе партіи. Борьба длилась пять лѣт. 18-й с'ѣзд закончил ее триумфом единодержавія. Какими способами Сталину удалось добиться своего триумфа?

Мы не собираемся говорить здѣсь о сталинском террорѣ, о котором так много уже говорилось и писалось и который, отражая жестокость борьбы за единодержавіе вождя, все-таки остается болѣе поверхностным проявленіем этой борьбы, чѣм ее содержаніем. Политически и социальнo торжество единодержавія над коллективом, хотя бы и уродливым коллективом, каким является ВКП, имѣет гораздо болѣе глубокіе истоки, чѣм цодвалы ГПУ. И именно «сухая гильотина», которой подверг Сталин партійныя массы, одновременно с физическим уничтоженіем ея больших и маленьких руководителей, — она-то и должна привлекать наш интерес. Тот факт, что ВКП представляется чужеродным организмом среди 170-милліоннаго населенія Россіи, что ея структура противорѣчит элементарным представленіям о демократіи и о политической партіи вообще, — этот факт не умаляет значенія этой партіи, как единственной отдушины для какой бы то ни было общественной спайки при режимѣ диктатуры и нѣкоторой трибуны при полном безправіи народа. Уничтоженіе этой отдушины, убіеніе ВКП, как политическаго организма, было достигнуто Сталиным путем сложных маневров. Но это достиженіе его несомнѣнно.

Сам Сталин, в упомянутом докладѣ на с'ѣздѣ, опредѣлил свой главный маневр характерным для его византіиства словечком: «регулированіе»: «Укрѣпленіе» (!) партіи и ея руководящих органов, — сказал он, — осуществлялось по двум линіям: *по линіи регулированія состава партіи, вытѣсненія ненадежных*, и по линіи разукрупненія». Оставляя в сторонѣ вторую «линію», как чисто - техническую, остановимся на «регулированіи».

Война партіи была об'явлена Сталиным в самом началѣ перехода на новые пути, на водораздѣлѣ двух пятилѣток: в январѣ 1933 года на пленумѣ ЦК партіи было принято рѣшеніе о «регулированіи» — партійной чисткѣ. Каганович мотивировал тогда эту мѣру тѣм, что «наша партія слишком разрослась». В самом дѣлѣ, только за 2 года, с конца 1930 года (16-й с'ѣзд) до середины 1933 г. состав партіи увеличился почти вдвое: с 1,8 мил. членов и кандидатов до 3,2 мил. Такой рост таил в себѣ много опасно-

стей. Сталин характеризовал эти опасности на 17-м съезде (январь 1934 года) в слѣдующих, болѣе или менѣе иносказательных, но достаточно прозрачных выраженіях: 1) «Было бы наивно думать, что можно побороть трудности при помощи резолюцій и постановленій, на которых *бюрократы и канцеляристы* набили себѣ руку, 2) *Зазнавшіеся вельможи думают, что они незаменимы.* Их надо без колебаній снимать с руководящих постов, снять с них спѣсь и поставить их на мѣсто. 3) Есть тип честных *болтунов, преданных, но не способных руководить.* Если оставить их на работѣ, то они способны потопить любое дѣло. Их надо снимать».

Начали «снимать». Партийныя чистки производились в ВКП и раньше неоднократно. Онѣ каждый раз сопровождали какой-нибудь поворот политики и вызывались этим поворотом. Так, первая чистка, под названіем «перерегистрація», была произведена в 1920 году, когда ликвидировался «военный коммунизм». Вторая чистка имѣла мѣсто в 1921 году, в связи с введеніем нэпа. Частичныя чистки: 1924 г. — «чистка непродушенных ячеек» — и 1925 года — «провѣрка деревенских ячеек», были явно приурочены к шатаніям власти послѣ смерти Ленина. И наконец, была произведена чистка в 1929 - 30 г. при вступленіи в первую пятилѣтку. Всѣ указанныя чистки длились сравнительно недолго, ампутировали относительно небольшія части партийнаго организма, велись преимущественно под лозунгом «идейнаго» очищенія партіи и, во всяком случаѣ, не имѣли характера карательно-истребительной экспедиціи. «Регулированіе», начатое в 1933 году, не имѣло прецедентов в прошлом ни по длительности, ни по радикальности, ни по послѣдствіям.

Вмѣсто шести мѣсяцев, как было указано в постановленіи о чисткѣ, послѣдняя, под разными названіями: собственно чистка, провѣрка партийных билетов, обмѣн партийных билетов, — длилась три с половиной года. «Массовый наплыв в партію, — сказал Сталин на 18-м съездѣ, — в условіях 1930 - 1933 года, являлся нездоровым и нежелательным. В связи с этим встал вопрос о регулированіи состава партіи. Было рѣшено продолжать чистку до мая 1935 года, прекратить пріем до 1 ноября 1936 года. В связи с убійством Кирова, было рѣшено провести провѣрку и обмѣн партбилетов до сентября 1936 года». Таким образом Сталин держал членов партіи в теченіе трех с половиною лѣтъ в состояніи напряженія, под страхом быть снова и снова «урегулированными», уст-

рашая храбров оппозиции и разлагая безответную массу. К концу этого длиннаго периода «регулирование» дало нужные результаты.

Точная статистика сталинскаго «регулирования» не опубликована. О размерах «операции» можно, однако, составить представление по разрозненным и косвенным данным. Так, уже через полгода послѣ начала чистки, на 17-м с'ѣздѣ, ея будущая жертва, тогда еще председатель комиссии по чисткѣ, Рудзутак, опредѣлилъ процент вычищенных к тому времени в 16,8. Но это было еще начало. По разрозненным свѣдѣніям, появлявшимся в сов. печати в разное время, процент вычищенных членов и кандидатов в члены партіи можно было опредѣлить в 35. Сталин в своем докладѣ на 18-м с'ѣздѣ жонглирует цифрами, умышленно затемняя картину. Он вовсе не говорит о кандидатах в члены партіи. Что же касается самих членов, то он ограничивается ничего не говорящим сопоставленіем числа их к 17-му и 18-му с'ѣздам, и из этого сопоставленія вытекает, что партія уменьшилась между двумя с'ѣздами всего на 300 тыс. Однако, с ноября 1936 года, когда возобновился прием в партію, было принято опредѣленное количество новых членов. Таким образом, приходится считать, на основаніи выше указанных свѣдѣній, что не меньше трети членов партіи, находившихся там до середины 1933 года, было «отрегулировано» и частично замѣнено новыми.

Однако, гораздо болѣе существенным, чѣм количественное отсѣкновение трети партійнаго организма, представляется специфическій *качественный отбор*, произведенный чисткой. На этот счет мы имѣем почти исчерпывающія и краснорѣчивыя данныя, оглашенныя на 18-м с'ѣздѣ ближайшим сотрудником и выдвиженцем Сталина, Маленковым. Членов партіи «октябрьскаго» набора осталось всего... 0,3%, что означает в абсолютных цифрах 700 человек. К концу 1920 года, когда партія и новая власть стабилизировались, в партіи было 730.000 человек. По данным Маленкова осталось теперь 8,3%. Трудно допустить, что за 18 лѣт умерло 670 тысяч ленинских большевиков: процент смертности был бы слишком велик. Таким образом, громадная часть «регулирования» падает, именно, на ленинскій «костяк». И в самом дѣлѣ, *70% теперешняго состава партійной массы пришли в партію послѣ 29 года*. Это и есть сталинскій набор. Иначе сказать: маневр Сталина, позволившій ему создать спокойную обстановку нераздѣльна-

го владычества, заключался в том, что он за 5 лет подобрал себе партію. Подобранныя партія поставила Сталину абсолютно законопослушный с'їзд: из 1574 делегатов с рѣшающим голосом 969 — двѣ трети — состояли из высших чинов партіи, комсомола и арміи, многія груди коих были украшены депутатскими значками верховных совѣтов (606 человек) и всевозможными орденами (484), громадная же масса щеголяла новыми казенными мундирами, будучи «выдвинуты на руководящую работу» между двумя с'їздами (618 делегатов). Неудивительно, что такой «поравненный» с'їзд дал и подлинно сталинскій ЦК, в котором уже нѣтъ и намека на какую бы то ни было оппозиціонность. В самом дѣлѣ, из 71 члена ЦК одних только наркомов, замнаркомов и равных им по положенію особ, и притом свѣже испеченных незадолго перед с'їздом, — 32 человек; к ним присоединяются проверенные секретари крупнѣйших партійных комитетов, которые в свою очередь обвалакиваются ближайшим сталинским окруженіем: упомянутый Маленков, новѣйшій «идеолог» Митин, допущенный к трону Ярославскій и др. Пятилѣтніе труды по «регулированію» партіи и «вытѣсненію» вольнаго духа принесли Сталину свои плоды.

Однако, опытный стратег знает, что вырванную побѣду надо закрѣплять. Необходимо принять такіа «организационныя» мѣры, которыя раз и навсегда устраняли бы возможность в будущем повторенія пятилѣтней борьбы с партійными верховниками. Рѣшеніе всемірно - исторических задач строительства социализма и охраны завоеваній побѣдившаго социализма от капиталистическаго окруженія и его агентуры внутри СССР потребовало от партіи коренной перестройки партійно - политической и организационной работы». Этими многозначительными словами начал на с'їздѣ ближайшій соратник Сталина, член политбюро Жданов, свой доклад об измѣненіях в уставѣ ВКП. Введеніе новаго устава на самом дѣлѣ составило главное, если не единственное, по существу, содержаніе 18-го с'їзда.

Как и партійныя чистки, измѣненія партустава являлись издавна спутниками партійных поворотов ВКП. За 21 год легальнаго существованія этой партіи она имѣет теперь уже шестой по счету устав. Так, по указанію Жданова, основныя измѣненія устава, произведенныя в 1922 году, были вызваны нѣпом, новый устав 1925 года был приурочен к переходу на рельсы «социалистической индустриализаціи» и — прибавим от себя — к обостренію

борьбы с Троцким, а последний устав, выработанный по докладу Кагановича на 17-м съезде, был подогнан к «историческим задачам» второй пятилетки, по Жданову, к ликвидации ленинизма — по действительному положению вещей. Анализ нового устава, принятого ныне на 18-м съезде, показывает ясно его задачу: закрепление победы Сталина в смысле перехода от диктатуры партии к единодержавию вождя.

Организационным принципом большевизма является, по официальной доктрине, «демократический централизм». Маневр Сталина в организационной области заключается в том, чтобы обратить первую часть этой формулы в демагогическую фикцию и одновременно усилить вторую часть. Этот маневр полностью и проведен в новом уставе.

Во главу угла устава ставится, разумеется, демократизм. Он должен найти свое выражение в трех кардинальных пунктах: прие́м в партию, права членов партии, выборы партийных органов.

В доисторические времена подпольного большевизма членом партии мог стать «всякий, принимающий ее программу, поддерживающий партию материальными средствами и оказывающий ей регулярное личное содействие, под руководством одной из ее организаций». Это правило «боевого» в свое время пункта первого устава 1903 года (от которого большевизм ведет свое происхождение) оставалось в силе до 1922 года, когда впервые были приняты меры против «засорения» партии нежелательными элементами. Устав 1922 года вводит, при приеме в партию, деление на три категории, соответственно классовому происхождению кандидатов: рабочие и красноармейцы из рабочих и крестьян, крестьяне и кулаки и — «прочие», то-есть интеллигенция. Для каждой из категорий установлены были особые правила приема, отличавшиеся, главным образом, по количеству необходимых рекомендаций и по стажу рекомендуемых. Цель этого классового начала была ясна: став генсекретарем и начав подготовку ко вступлению в права наследства безнадежно заболевшего тогда Ленина, Сталин хотел опираться в своей борьбе с «гвардией» на массы, предоставляя им все привилегии при приеме в партию. Панацея казалась достаточной в течение 12-ти лет. В 1934 году, на 17-м съезде, когда выяснилось просачивание нежелательных элементов через три категории, было установлено деление на четыре категории, с дифференцированием рабочих по стажу и с выделением колхозников. Для всех катего-

борьбы с Троцким, а последний устав, выработанный по докладу Кагановича на 17-м съезде, был подогнан к «историческим задачам» второй пятилетки, по Жданову, к ликвидации ленинизма — по действительному положению вещей. Анализ нового устава, принятого ныне на 18-м съезде, показывает ясно его задачу: закрепление победы Сталина в смысле перехода от диктатуры партии к единодержавию вождя.

Организационным принципом большевизма является, по официальной доктрине, «демократический централизм». Маневр Сталина в организационной области заключается в том, чтобы обратить первую часть этой формулы в демагогическую фикцию и одновременно усилить вторую часть. Этот маневр полностью и проведен в новом уставе.

Во главу угла устава ставится, разумеется, демократизм. Он должен найти свое выражение в трех кардинальных пунктах: прие́м в партию, права членов партии, выборы партийных органов.

В доисторические времена подпольного большевизма членом партии мог стать «всякий, принимающий ее программу, поддерживающий партию материальными средствами и оказывающий ей регулярное личное содействие, под руководством одной из ее организаций». Это правило «боевого» в свое время пункта первого устава 1903 года (от которого большевизм ведет свое происхождение) оставалось в силе до 1922 года, когда впервые были приняты меры против «засорения» партии нежелательными элементами. Устав 1922 года вводит, при приеме в партию, деление на три категории, соответственно классовому происхождению кандидатов: рабочие и красноармейцы из рабочих и крестьян, крестьяне и кулаки и — «прочие», то-есть интеллигенция. Для каждой из категорий установлены были особые правила приема, отличавшиеся, главным образом, по количеству необходимых рекомендаций и по стажу рекомендуемых. Цель этого классового начала была ясна: став генсекретарем и начав подготовку ко вступлению в права наследства безнадежно заболевшего тогда Ленина, Сталин хотел опираться в своей борьбе с «гвардией» на массы, предоставляя им все привилегии при приеме в партию. Панацея казалась достаточной в течение 12-ти лет. В 1934 году, на 17-м съезде, когда выяснилось просачивание нежелательных элементов через три категории, было установлено деление на четыре категории, с дифференцированием рабочих по стажу и с выделением колхозников. Для всех катего-

рій, кромѣ первой (рабочіе с 5-лѣтним стажем), были введены усиленные рекомендаціи. Тут никакому «демократизму» не было мѣста.

Новый устав, с перваго взгляда, похож на революцію: отми-няются вовсе категоріи. П. 4 устава впервые ставит знак равенства между всѣми соціальными группами: «В члены партіи принимаются сознательные, активные и преданные дѣлу коммунизма рабочіе, крестьяне и интеллигенты». Правила приѣма для всѣх одинаковыя и облегченныя. Откуда такой либерализм? Отвѣтъ на этот естественный вопрос содержится в удареніи на словѣ «интеллигенція», которая кстати — но далеко не случайно — впервые появляется в уставѣ партіи, как официальный термин. Чтобы понять значеніе этой реформы, необходимо принять во вниманіе, что в докладѣ о строеніи партіи Сталин удѣлил много вниманія интеллигенціи. Мнѣ уже приходилось указывать на этих страницах на роль, которая отводится нынѣ «совѣтской интеллигенціи» в ея специфическом составѣ и служебно - государственной роли. Сталин с особой силой подчеркивает в своем докладѣ, что *«для нашей интеллигенціи нужна новая теорія, указывающая на необходимость дружескаго отношенія к ней, заботы о ней, уваженія к ней и сотрудничества с ней во имя интересов рабочаго класса и крестьянства»*. Совершенно очевидно, что, *создав «свою» интеллигенцію, Сталин желает опираться именно на нее, оттъснивъ прежнюю опору — рабочія массы*. И именно поэтому рабочая масса, не желающая разставаться со своими многолѣтними привилегіями, оказывает большое сопротивленіе новой опорѣ диктатуры вождя. Это сопротивленіе достигает наибольшей остроты в нѣдрах партіи: «У нас в партіи еще имѣются, оказывается, люди, пытающіеся старую теорію, направленную против буржуазной интеллигенціи, примѣнить к нашей новой, совѣтской интеллигенціи». Эту интеллигенцію, и особенно ту часть ея, которая, работая «стахановскими» локтями, пробралась на верх, рабочая партійная масса пытается отбросить. «Утверждают, — продолжает Сталин, — что рабочіе и крестьяне, недавно еще работавшіе по-стахановски на заводах и колхозах, а потом направленные в вузы для полученія образованія, перестают быть тѣм самым настоящими людьми, становятся людьми второго сорта»... Новая правила устава о приѣмѣ в партію «интеллигентов» Сталина, наравнѣ с потомственными пролетаріями, и должны подчеркнуть перевод новой интеллигенціи из

второго сорта в первый. Таким образом, видимый демократизм пункта устава о приемѣ в партію оказывается направленным к основной цѣли: закрѣпленію партійной базы тѣми, кто обязан своим возвышеніем и привилегіями вождю.

Такое же устремленіе и значеніе имѣет и вторая новелла — о правах членов партіи. Подобных постановленій в прежних уставах вовсе не было: члены партіи имѣли обязанности, но были лишены уставно - конституционных прав. Опять — революція: какія такія «права» могут быть у члена партіи, в которой «железная дисциплина» является единственным законом? А вот какія: участвовать на собраніях в обсужденіи «практических вопросов партійной политики», «критиковать на партсобраніях любого работника партіи», избирать и быть избранным в парторганы, требовать личнаго участія при обсужденіи его дѣятельности, «обращаться с любым вопросом и заявленіем в любую партинстанцію, вплоть до ЦК». Если отбросить такія, само собою разумѣющіяся и «голыя» права, как участіе в собраніях и пассивное избирательное право в парторганы, то смысл этого «либеральнаго» пункта устава становится ясным: он ведет все к той же цѣли — усиленія власти верхов. В самом дѣлѣ, право свободной «критики», в условіях сталинскаго режима, означает, как показывает практика, поощреніе «склоки», необходимой вождю для того, чтобы «разыгрывать» одних против других. Это право критики есть одна из самых дѣйственных педалей, нажимая на которую Сталин всегда натравливал одну часть партіи против другой. Чтобы придать этой педали большую силу, вводится третье право — право непосредственных доносов в ЦК. Сталин явно не довѣряет засидѣвшимся секретарям, которые и «срастаются», и «вельможничают». Отмѣна «средостѣнія» между партійной массой и вождем — вот к чему сводится второй пункт «хартіи» демократизма.

Третій пункт — демократическіе выборы во всѣ партійные органы. И тут, с перваго взгляда, революція: компартія отказывается от одного из священных принципов — открытаго голосованія и усваивает для партвыборов тайное голосованіе. Однако, тайному голосованію предшествует «неограниченное право отвода кандидатов и критики послѣдних», производимое именно открыто на собраніях. Тайное голосованіе обращается в фикцію. Результаты его заранее преопредѣлены, как это провѣрено прочно на выборах в сов. парламенты.

На этом кончается претвореніе в уставѣ перваго члена формулы — демократизма. И засим всѣ нововведенія сосредоточены цѣликом уже на втором членѣ — на централизмѣ. Здѣсь Сталин по-настоящему закрѣпляет свои позиціи и боится себя против возможности повторенія прошлых «промахов». Остановимся вкратцѣ на этой части реформы.

Основная тенденція этой реформы сводится к еще большему усилению власти ЦК, который, как мы видѣли, подобран так тщательно, что от него как будто не предвидится неприятностей для единодержавія вождя. Первая позиція, на которой закрѣпляется ЦК, это — чистка. *Отменяются массовыя чистки.* Жданов мотивирует это слѣдующим образом: «Метод массовых чисток, введенный в началѣ нэпа, чтобы оградить партію от проникновенія в ея ряды людей, разлагавшихся в связи с нэпом, потерял почву для нынѣшней обстановки, когда капиталистическіе элементы ликвидированы». Опять — таки, на первый взгляд, и либерализм, и демократизм, и, вообще, почти что отказ от террористических методов. Но... «массовыя чистки» умерли — да здравствует просто чистка! И Сталин, и особенно Жданов очень много распространялись о послѣдней чисткѣ. Выяснилась такая картина, которая сама по себѣ заслуживала бы особаго рассмотрѣнія. Суть в том, что «метод массовых чисток» предоставлялъ слишком большой простор «периферіи», ослабляя надзор центра. Появились «клеветники», под покровом «бдительности» ведшіе свои собственные интриги, часто не совпадающія с «линіей» верхов. Теперь эти бывшіе враги врагов об'явлены сами врагами. ЦК берет чистку в свои руки. Чистка не прекратится, но она превратится из періодическаго явленія в постоянное: *«Партія может в обычном порядкѣ очищать свои ряды от людей, нарушающих программу и устав партіи».* «Обычный порядок» — это *постоянная чистка* силами аппарата ЦК, который, таким образом, еще болѣе усиливается.

Новый устав реформирует в корнѣ орган, который был введен всего 5 лѣт назад, на 17-м с'ѣздѣ, — комиссію партійнаго контроля (КПК). Уже в 1934 году, введя этот орган, Сталин освободил себя от болѣе неудобнаго для него — от центральной контрольной комиссіи (ЦКК), которая, по уставу, стояла над ЦК и над самим диктатором. Права комиссіи партконтроля, замѣнившей ЦКК, были значительно уже прав ея предшественницы. Но эта комиссія выбиралась партс'ѣдом и была ему непосредственно

подчинена. Стало быть, она могла, при определенных основаніях, стать партійным «государством в государствѣ». Новый устав отмѣняет выборы КПК с'ѣздом, предоставляя назначеніе членов ея ЦК. Таким образом, послѣдній является единовластным, сосредоточивая в своих руках и исполненіе, и контроль над исполненіем, то-есть контролирует самого себя.

Упомянем о двух других пунктах устава, открыто провозглашающих усиленіе централизма ЦК партіи. Создаются два «Управленія» — кадров и пропаганды. Раньше командные штабы по кадрам и по пропагандѣ были болѣе или менѣе распылены по так называемым «производственно - отраслевым» отдѣлам мѣстных комитетов. Теперь Сталин открыто признает в своем докладѣ, что это ему не подходит: «Задача состоит в том, чтобы *взять полностью в одні руки дѣло подбора кадров снизу до верху*. И точно также необходимо *сосредоточить в одном мѣстѣ дѣло партійной пропаганды и агитаціи*». Сталин так произвольно мѣняет «теоріи», в мѣру практической надобности, что за пропагандой этих теорій нужен глаз да глаз.

Все направлено к одному: «подобрать вожжи», находящіеся в руках преданнаго вождю ЦК партіи. Однако, и насчет преданности ЦК имѣется опыт прошлаго, который многому научил. В сущности, и ЦК 17-го с'ѣзда был вѣдь предан и, за вычетом нѣскольких одіозных фигур, хорошо подобран. А между тѣм пришлось его перетасовывать всѣ 5 лѣт. Дѣлалось это в совершенно незаконном порядкѣ, ибо нигдѣ в уставѣ не было предусмотрѣно право членов ЦК «выводить» из этого учрежденія друг друга. Сталин исправляет этот «организационный» недосмотр в новом уставѣ. Он снова вводит институт, который когда-то существовал, но был отмѣнен в 1934 году, а именно *партійныя конференціи*. Но вводя его, он радикально мѣняет его функціи и правовое положеніе, приспособляя его все к той же единственной цѣли — укрѣпленію своей власти. Конференція созывается без всяких «демократических» четыреххвосток, путем назначенія ея членов из мѣстных аппаратчиков, по указкѣ центра, и получает право «вывода» из ЦК до одной пятой части его членов. Это право конференціи — дискреціонное, а в остальном ея рѣшенія подлежат утвержденію со стороны ЦК. Таким образом одновременно создается суррогат партс'ѣзда, находящійся, однако, в полном подчиненіи ЦК, и, вмѣстѣ с тѣм, кнут над самим ЦК, в руках генсека. Этот маневр Сталина является едва ли не самым ловким.

И еще один опыт прошлого учел Сталин. Комсомол находился, конечно, всегда под полным влиянием ЦК ВКП. Но у него существовала видимость автономии. По прежним уставам и ВКП, и комсомола, последний был связан с партией идейно, но не организационно. 18-й партс'езд ввел в устав новую главу: «Партия и комсомол». И в этой короткой главѣ из четырех пунктов содержится еще болѣе краткое *coup d'état*: «ВЛКСМ проводит свою работу под руководством ВКП. ЦК ВЛКСМ, являясь руководящим органом комсомола, подчинен ЦК ВКП». Если находились еще до сих пор люди, которые вѣрили, что комсомол является «безпартийной» организацией молодежи, то отнынѣ такіе оптимисты должны окончательно умолкнуть. Комсомол — один из отдѣлов ЦК партии, открыто подчиненный генсеку этого ЦК — Сталину.

18-й с'езд, как известно, имѣл очень серьезную программу: выработку и утверждение плана третьей пятилѣтки. В порядкѣ «разговоров» этому пункту было удѣлено большое внимание. Но это были именно только разговоры. А настоящая «дѣловая» работа заключалась в утвержденіи новаго устава. Попутно было постановлено пересмотрѣть программу партии, которая оставалась неизмѣнной с 1919 года. По этому пункту с'езд ограничился краткой резолюцией, передоверив свои права по измѣненію программы все тому же ЦК, то-есть Сталину, который в своем докладѣ и дал уже общую «наметку» будущей новой программы. Не трудно предвидѣть, в каком направленіи будет измѣнена «идеология» ВКП, которая имѣет одну ясную тенденцію: «пересмотрѣть» Маркса, утвердив единодержавіе Сталина и в плоскости идеологической. В той части доклада генсекретаря, которая была посвящена «нѣкоторым вопросам теоріи», «ревизія» большевизма в указанном направленіи была намѣчена довольно ясно.

Покончив с двумя китами стараго большевизма: диктатурой пролетаріата и господством его «авангарда» — партии, Сталин должен, в силу вещей, разоблачить третью фикцію — «научнаго социализма» по Марксу. Тоталитарный строй — это вождизм, а вождизм требует своих организационных форм и своей автократической идеологии.

Л. Торопецкій